

ТАЙНА ГЕНИЯ НЕИЗВЕДАННОСТЬ ИСТОКОВ ТВОРЧЕСТВА В МЕТАФОРИКЕ А. С. ПУШКИНА¹

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧЕВ

Алексей Викторович Ильичев — доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-организационного центра Всероссийского музея А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ilichev1309@yandex.ru

Поэт, изменяющий своим творчеством языковое пространство целого народа, едва ли может не рефлексировать об истоках своего гения. Но самое интересное в данном случае — проанализировать ту рефлексию, что не внеположна поэзии, но обнаруживается внутри самого поэтического языка. Читая лирику А. С. Пушкина, мы находим в ней обильную метафорику, связанную с истоками творчества. В данной статье предлагается краткий очерк основных образов, связанных с пробуждением гения, встречающихся в пушкинской поэзии. Как можно увидеть, эти образы указывают на таинственность истоков поэзии, на внезапность явления гения. Мы увидим здесь и мысли о божественной эпифании, о пророческом призвании, о вмешательстве высшей силы. Гениальность рождается из ниоткуда, или даже подталкивается неумолимым ходом внешних обстоятельств, но проявляется как «тайная свобода», сообщающая поэту себя как божественный дар.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, лирика, истоки поэзии, творчество, тайна, эпифания

¹ Статья представляет собой расширенный вариант текста, опубликованного на официальном сайте Всероссийского музея А. С. Пушкина: http://www.museumpushkin.ru/muzej_online/stati/tajna_geniya.html

THE MYSTERY OF THE GENIUS. THE UNKNOWN ORIGINS OF CREATIVITY IN A. S. PUSHKIN`S METAPHOR

Alexey Ilyichev

DSc in Philology, Professor, head of the scientific-organizational center of The National Pushkin Museum, St. Petersburg, Russia.

E-mail: ilichev1309@yandex.ru

A poet who has changed the linguistic space of an entire nation with his poetry cannot fail to reflect on the origins of his genius. The most interesting thing, in this case, is to analyze the reflection that is not outside of poetry but is found inside the poetic language itself. Reading the lyrics of Alexander Pushkin, we find a lot of metaphors associated with the origins of creativity in it. This article offers a brief outline of the main images associated with the awakening genius found in Pushkin's poetry. As we can see, these images signify the mystery of the poetry's origins, the suddenness of the genius appearance. We will also see here thoughts about divine epiphany, about a prophetic calling, about the intervention of a higher power. The genius is born out of nowhere, or even pushed by the inexorable course of external circumstances, but it manifests itself as a "secret freedom" communicating itself to the poet as a divine gift.

Keywords: A. Pushkin, lyrics, the origins of poetry, creativity, mystery, epiphany

Поэт с историей и поэт без истории

Н. В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» (1835) писал: «Пушкин есть явление чрезвычайное...» (Gogol', 1952, 50).

При открытии первого в России памятника Пушкину в Москве 6 (18) июня 1880 года, Ф. М. Достоевский сказал: «Пушкин унес с собою [...] некую великую тайну, и вот теперь мы эту тайну разгадываем» (Dostoevskii, 1972-1990, 149).

Чрезвычайную тайну поэта упорно пытаются «разгадывать» уже несколько столетий.

В начале XX века (1905) был создан Пушкинский Дом как место сбора, хранения и изучения пушкинских реликвий и рукописей (сегодня это Институт русской литературы Российской академии наук). Также был создан 4-х томный «Словарь языка Пушкина» (только по текстам художественных произведений (1956–1961)); издано уже 3 тома «Пушкинской энциклопедии» (2009–2017). Изучаются многочисленные свя-

зи творчества Пушкина с русской, европейской, восточной литературами. Конечно, очень многое в жизни и творчестве поэта сегодня уже стало известно. Однако следует признать сразу: тайну Пушкина мы не разгадаем никогда, но именно этим она и манит. Тайной навсегда останется его уникальный поэтический гений.

Наверно, без особенного преувеличения можно сказать, что Пушкин — прежде всего *лирик*. Конечно, он и драматург, и прозаик, но мы без труда ощущаем, что и драматические произведения («Маленькие трагедии») и проза («Египетские ночи») концентрируют в себе темы и образы его лирической поэзии.

В статье «Поэты с историей и поэты без истории» (1933) М. И. Цветаева писала:

Все поэты делятся на поэтов с развитием и поэтов без развития. На поэтов, имеющих историю, и поэтов без неё. Графически первые отображаются стрелой, пущенной в бесконечность, вторые — кругом. Первые (стрела) влекомы поступательным законом самооткрывания. Они открывают себя во всех явлениях, встречающихся на пути, в каждом новом шаге и каждой новой встрече. (Tsvetaeva, 1994–1995, 397)

В Пушкине она видела «поэта с историей». И действительно, он писал:

и много
Переменялось в жизни для меня,
И сам, *покорный общему закону*,
Переменялся я...¹

(«Вновь я посетил...», 1835)
(Pushkin, 1937–1959, III, 399)

Или, например:

Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

(«Было пора: наш праздник молодой...», 1836)
(Pushkin, 1937–1959, III, 431)

Так осознавал себя «поэт с историей». Именно поэтому столь важна для понимания пушкинской поэзии хронология: и его биографии, и истории — как русской, так и европейской.

¹ Здесь и далее в стихотворных текстах — курсив автора статьи.

Между тем в 1819 году двадцатилетний Пушкин пишет совсем иное:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с годами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

(«Возрождение»)
(Pushkin, 1937–1959, II, 111)

В этом стихотворении присутствует прямо противоположная идея — идея возвращения к неизменным «первоначальным чистым дням».

Вернемся, однако, к стихотворениям «Вновь я посетил...» и «Была пора: наш праздник молодой...». Здесь мы читаем:

но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.

(Pushkin, 1937–1959, III, 399)

А также:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

(Pushkin, 1937–1959, III, 432)

Далее же 5-7 строфы соединяются анафорой: «Вы помните»:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.

Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

(Pushkin, 1937–1959, III, 432)

Идея исторического изменения («стрела») соединяется с мыслью о памяти («круг»), «поэт с историей» сливается с «поэтом без истории» в парадоксальное гармоническое единство.

Эпифания музы и таинственная свобода

У Пушкина нет «ранних» стихотворных опытов. Конечно, по воспоминаниям его старшей сестры Ольги Сергеевны мы знаем о них — но только из мемуаров, тексты не сохранились. А первые стихотворения датируются 1814 годом. Среди них — послание «Другу стихотворцу», где пятнадцатилетний поэт почти нарочито блистает не только техникой стихотворства, но и знанием античной мифологии, европейской и русской литературы. Его поэзия является словно Афина Паллада в полном вооружении из головы Зевса.

В. Г. Белинский назвал лицейскую поэзию Пушкина «ученической». Отчасти это понятно. С одной стороны, Пушкин в Лицее *учится*, с другой — слишком очевидно *влияние* на его стихи старших современников — Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского. Отметим при этом, что поэтические миры этих поэтов практически несовместимы. Способность

юного Пушкина воспроизводить одновременно столь разные поэтические системы обернется в будущем его знаменитой «всемирной отзывчивостью» (по выражению Ф. М. Достоевского), а также умением воссоздавать образы и миры никогда им не виданных стран («Ночной зефир струит эфир» (1824), «Паж, или Пятнадцатый год» (1830)).

С другой стороны, отметим качество этих «ученических» подражаний. Державин после переходного экзамена 8 января 1815 года, где Пушкин прочитал «Воспоминания в Царском Селе», изумленно восклицает: «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лице перещеголял всех писателей» (Mogozova, 2018, 92-93).

Вот еще одно воспоминание о восприятии этого стихотворения юного поэта:

В. Л. Пушкин получил из Петербурга новое стихотворение племянника своего. Сохранилось любопытное предание, что в один день Жуковский пришел к друзьям своим и с радостным видом объявил, что из Петербурга присланы прекрасные стихи. Это были «Воспоминания в Царском Селе». Он принес их с собою, читая вслух, останавливался на лучших местах и говорил: «Вот у нас настоящий поэт!» (Barten'ev, 1854, 39)

Вяземский писал Батюшкову:

Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и всё тут. Его Воспоминания вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и учения и в нем прок и горе нам. Задавит каналья! (Barten'ev, 1854, 39)

Дело закончилось совсем неожиданно: Батюшков, Жуковский и Вяземский приехали в Лицей лично познакомиться с этим «чудо-ребенком». Похоже, что ученик сразу по-своему превзошел своих учителей.

В Лицее Пушкин начинает писать поэму «Руслан и Людмила». Знакомясь с рукописью, Батюшков заметит: «Талант чудесный, редкий! Вкус, остроумие, изобретение, веселость. Ариост в девятнадцать лет не мог бы писать лучше...» (1818 год, письмо к Д. Н. Блудову) (Izmailov, 1963, 31).

Когда же Пушкин завершит работу над этим произведением, Жуковский подарит ему свой портрет с дарственной надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот

высокоторжественный день, когда он окончил свою поэму “Руслан и Людмила”, 1820, марта 26, Великая пятница».

Таким образом, у Пушкина не было ученичества в нашем обычном понимании. Его загадочный гений явился *сразу*. Здесь можно вспомнить начало восьмой главы «Евгения Онегина» (1830), которое чаще всего воспринимается только как поэтический рассказ о рождении пушкинской поэзии. Но этот рассказ «построен» так, что перед нами действительно предстает мистическая *эпифания*, явление античной богини. Вглядимся в этот текст:

В те дни, когда в садах Лицея¹
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в *таинственных* долинах,²
Весной, при кликах лебединых,³
*Близ вод, сиявших в тишине,*⁴
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг *озарилась*: Муза в ней⁵
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

(Pushkin, 1937–1959, VI, 165)

Иначе говоря, сам Пушкин осознает рождение своего гения как *непостижную даже ему самому тайну*.

Поэзия Пушкина отражала его «историю», его жизнь. Мы привыкли к тому, что развитие творчества Пушкина разделяется на несколько периодов, прямо связанных с его биографией.

Действительно, в лицейской лирике (1814–1817) отразились впечатления от реальных обстоятельств лицейской жизни. Тут и Царское Село, и Екатерининский дворец, и война 1812 года, и первая любовь...

¹ Вспомним, что первый «Лицей» был создан в античности Аристотелем.

² Стоит задуматься: почему «таинственных»?

³ Лебеди — птицы Аполлона.

⁴ Свет словно исходит изнутри вод.

⁵ Сиянье вод обернулось озарением Музы.

В так называемый «Первый Петербургский период» (1817–1820) возникают темы светской жизни, вольнолюбивые мотивы.

Когда Пушкина переводят по службе на юг (1820–1824, Кишинев, Одесса) он пишет о море, о борьбе за свободу, а также о Греции и Риме (ведь в древности эти места принадлежали грекам и римлянам).

В 1824 году поэта увольняют со службы и ссылают в родовое имение Ганнибалов — Михайловское. Начинается «Михайловский период» (1824–1826). Пушкин оказался на древней псковской земле, он увлечен фольклором, историей и, конечно, в его поэзии отразились обстоятельства жизни в Михайловском.

Коронация императора Николая I и его супруги императрицы Александры Федоровны состоялась 22 августа 1826 года в Успенском соборе Московского Кремля. В связи с этим должны были последовать традиционные амнистии, но, после казни декабристов, единственным амнистированным оказался Пушкин. Начался «Второй Петербургский период» его жизни и творчества (1826–1836), внутри которого принято выделять две «Болдинские осени» — первую (1830) и вторую (1833).

Заметим, что, с одной стороны, биографическая периодизация совпадает с творческой, а, с другой стороны, она складывалась, увы, не по свободному выбору поэта.

Поступление в Лицей — это решение родителей; служба в Коллегии иностранных дел — закономерный результат учебы в Лицее (хотя Пушкин хотел стать гусаром). Перевод на юг — решение императора; ссылка в Михайловское — также по воле императора; возвращение в Петербург — вновь императорское повеление.

Пушкинская жизнь разворачивалась не по его воле, не по его желанию. Но его гений удивительным образом преобразовал несвободу жизни в свободу творчества.

Когда Пушкин в оде «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) (так называемый «Памятник») напишет: «Что в мой жестокий век восславил я Свободу» (Pushkin, 1937–1959, III, 424), он, вероятно, имел в виду, помимо всего прочего, и ту мысль, что хотя любой век жесток, всегда остается творческая «тайная свобода», о которой он писал еще в 1818 году:

Любовь и тайная Свобода
Внушали сердцу гимн простой
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

(«К Н. Я. Плюсковой»)
(Pushkin, 1937–1959, II, 65)

Именно об этой «тайной свободе» вспомнит и А. А. Блок в феврале 1921 году в последнем своем стихотворении, посвященном Пушкинскому Дому:

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

[...]

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!
Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?
Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.
Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

(«Пушкинскому Дому»)
(Blok, 1955, 457-458).

Поэт и пророк

Своеобразно развивается у Пушкина тема, связанная с образом поэта и поэзии.

На протяжении многих лет у поэта складываются два близких, но все же различных цикла стихотворений, посвященных поэту и пророку. В одном из этих циклов («Поэт» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830), «Из Пиндемонти» (1836)) утверждается абсолютная творческая свобода *поэта*, граничащая со своеволием, самодостаточность поэзии:

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

(«Поэту» (1830)) (Pushkin, 1937-1959, III, 223)

В другом цикле, связанном с образом *пророка* («Свободы сеятель пустынный...» (1823), «Подражание Корану» (1824), «Пророк» (1826)), утверждается зависимость жизни пророка от высших духовных сил. В ряде случаев и та, и другая темы объединяются (как, например, в стихотворении «В часы забав иль праздной скуки...» (1830)). Возникает идея поэзии не только как чистого искусства, но и как фактора мощного нравственного влияния.

Прочтем стихотворение «Пророк» (1826):

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый *серафим*
На перепутьи мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои

Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

(Pushkin, 1937–1959, III, 30–31)

Обратим внимание на то, как разворачивается в стихотворении тема огня. Она начинается образом шестикрылого серафима. Серафим (Seraph) по-древнееврейски — жгущий. Его основная функция — выжигание грехов. Это очищающий огонь. Образ серафима встречается единственный раз в Библии только в книге пророка Исайи. Отличие серафимов от прочих ангелов в том, что они принадлежат исключительно Божественной сфере. Именно поэтому серафим осуществляет очищение жертвенным углем (огнем Божественной любви) и в Библии, и в пушкинском стихотворении. Опаленный огнем серафима, с пылающим углем в груди, пророк, после чуда воскрешения, призван Богом «глаголом жечь сердца людей», то есть осуществлять то же очищение, которое было совершено серафимом над ним. А это значит — заставлять людей по-другому слышать («И их наполнил шум и звон»), видеть («Отверзлись вещие зеницы»), жить... С этим, пожалуй, сопоставим фрагмент из книги Иеримии: «Я сделаю слова Мои в устах твоих огнем, а этот народ — дровами, и этот огонь пожрет их» (Иеремия, 5:14).

Легко заметить, что тема поэта и поэзии чаще всего воплощается с привлечением античной традиции, а тема пророка — библейской. В «Памятнике» Пушкин находит чеканную формулу, объединяющую в живом единстве мысль о свободе вдохновения и творчества — и мысль о зависимости духовного деяния от высших, Божьих сил:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.*

*Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

(Pushkin, 1937–1959, III, 424)

Образы «славы» и «слуха» разграничивают у Пушкина *эстетический* (или собственно художественный) и *этический* аспекты поэзии, способной одарить его бессмертием. Заметим, что даже количественно «слух» явно преобладает (о «славе» — две строки, о «слухе» — строфа). Это не случайно. При всей необходимости художественного критерия («Цель поэзии — поэзия») (Pushkin, 1937–1959, XIII, 66) одного его недостаточно. Поэт акцентирует внимание на *этической* стороне творчества.

В последней строфе парадоксально объединяются христианский Бог и античная Муза. Пушкин создает *национальный* (христианский контекст) вариант *классической* (античный контекст) поэзии.

Стихия языка

Некоторые лирические стихотворения Пушкина воспринимаются нами как непосредственное выражение автобиографического образа поэта. Можно вспомнить, например, «На холмах Грузии лежит ночная мгла» (1829). Хотя в некоторых случаях это совсем не исключает литературной мистификации автора, скажем, лирические темы, связанные с так называемой «утаенной любовью», или сознательное изменение датировки стихотворений, написанных в Михайловском, которые связывают произведения с «южным периодом». Но в иных текстах он с артистической легкостью перевоплощается совсем в других персонажей («Я здесь, Инезилья» (1830)). Способность Пушкина «вживаться» (или понимать) других

людей с блеском осуществляется в послании «К вельможе» (1830) или в «Полководце» (1835).

Он ведет себя как актер, способный и понимать свою роль, и с редким артистизмом вживаться в нее.

Пушкин справедливо считается создателем русского литературного языка. И. С. Тургенев писал, что поэту одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу.

Пушкин называл язык стихией, данной нам для сообщения мыслей. В его языке гармонично соединилось несколько потоков: литературная традиция XVIII века, речь современного образованного дворянского общества, городское просторечие, деревенско-фольклорная простонародность.

На фоне споров о языке в начале XIX века пушкинская позиция выглядит уникальной: «Истинный вкус, — говорил он, — состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (Pushkin, 1937–1959, XI, 52).

Именно поэтому нам иногда кажется, что его язык и произведения должны быть ясными и понятными. Действительно, некоторые тексты поэта поражают своей, правда, скорее мнимой, прозрачностью. Скажем, в стихотворении «Я вас любил» присутствует только одна метафора — «любовь угасла», — да и она незамысловата, а все прочие слова употреблены в своих прямых значениях. Но секрет произведения в том, что его смысл оказывается «стереоскопическим»: оно может пониматься как высокое признание в любви («Любовь еще быть может // В душе моей угасла не совсем»), а с другой стороны — как изысканный отказ в продолжении романа («Как дай вам Бог // Любимой быть другим»). Не менее сложно написано послание «К*** (А. П. Керн)». С одной стороны, оно может быть осознано как рассказ о двух встречах с Анной Петровной (что находит свое подтверждение в мемуарах Керн), но использование мотивов и образов поэзии В. А. Жуковского позволяют понять послание как историю души, как историю встречи с Музой.

Не менее сложным для нынешнего читателя оказывается лексика Пушкина. Это непонятные сегодня древнерусские

слова: труд (в значении «битва»), чело («Песнь о вещем Олеге»); старославянская лексика: горний, прозябанье (в значении «существование»), зеница («Пророк»). Проблемы может составить и архаическая разговорно-народная речь (тут без «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля не обойтись). Особенную сложность составляют мифологизмы — слова, перифразы, метафоры, отсылающие к мифологиям разных народов.

Иначе говоря, от современного читателя требуется дополнительное усилие, чтобы пушкинский текст стал ближе и понятней.

Пушкин отразил мир в таком масштабе и такой объемности, что его творчество, пусть и в редуцированном виде, оказывалось близким западникам и славянофилам, революционерам и консерваторам, атеистам и православным.

Похоже, что действительно — Пушкин «наше всё» (А. А. Григорьев (1859)).

Всякий раз приобщение к творчеству Пушкина награждает вас приближением к тайне его гения.

И в этом смысле Пушкин остается тем именем, которым мы неизбежно и всегда «аукаемся» (В. Ф. Ходасевич (1921)) друг с другом.

REFERENCES

- Barten'ev, P. I. (1854). *Alexander Sergeevich Pushkin: Materials for his biography*. Moscow: Literaturnye pribavleniia k "Moskovskim vedomostiam" Publ. (In Russian)
- Blok, A. A. (1955). *Collected Works in 2 vols*. Vol. 1. Moscow: GIKhL Publ. (In Russian)
- Dostoevskii, F. M. (1984). *Complete works in 30 vols*. Vol. 26. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian)
- Gogol', N. V. (1952). *Complete works in 14 vols*. Vol. 8. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian)
- Izmailov, N. V. (1963). Pushkin in the correspondence and diaries of his contemporaries. In *Vremennik pushkinskoi komissii* (155-164). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian)

- Morozova, N. P. (Ed.). (2018). *G.R. Derzhavin in the memoirs of his contemporaries*. St. Petersburg: Vserossiiskii muzei A.S. Pushkina GIKhL Publ. (In Russian)
- Pushkin, A. S. (1937–1959). *Complete works in 16 vols*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian)
- Tsvetaeva, M. I. (1994–1995). *Collected Works in 2 vols*. Vol. 5. Moscow-Leningrad: Ellis Lak Publ. (In Russian)